

Пожар в Каргополе в 1765 г. и восстановление города: взаимодействие государственных и местных органов власти

Аннотация. На материалах архивных источников рассказывается о великом пожаре 1765 г. в Каргополе, понесенных утратах и восстановлении города на основе регулярного плана. Раскрываются причины пожара, приводится статистика потерь. На конкретных примерах о выделении ссуды на строительство домов и её расходовании освещается работа строительной комиссии. Уточняется история возведения Соборной колокольни, дополняются известные ранее имена её строителей.

Ключевые слова. Екатерина II, градостроение, генеральный план Каргополя, линейная планировка, строительная комиссия, ссуда, обывательские дома, Соборная колокольня.

Во второй половине XVIII в. в России развернулась масштабная кампания по реформированию городского устройства. Указ Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо», изданный в 1763 г., положил начало реконструкции средневековых русских городов. Первыми по новым планам перестраивались города, пострадавшие от пожара. Каргополь оказался в их числе.

29 июля 1765 г.¹ в Каргопольском магистрате бургомистром Адреем Прибытковым и ратманом Иваном Белоусовым был составлен рапорт генерал-майору губернатору Новгородской губернии Якову Ефимовичу Сиверсу, в котором сообщалось²: «Сего июля 26 числа по полуночи во втором на десять часу в здешнем городе Каргополе в посаде учинился бедственной незапной случай, а имянно в середине города у некоторой посадской вдовы Татьяны Шумиловой в доме загорелось /.../, а потом и строение все огнем обнялось. /.../ улица та была тесная, строения старинного. /.../ А от возгоревшегося дому пламя учинилось и загорелось вдруг немало домов, /.../ и так вдруг же переняло огонь на другую сторону улицы, /.../ в самое короткое время зделались пожары и в других улицах. Загорелись обывательския дома, а на площади публичныя строения соборныя две, к тому три приходския церкви, да еще приходских же четыре церкви, /.../ магистрат, духовное правление,

¹ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

² Здесь и далее стиль, грамматика и орфография в текстах документов приводятся в соответствии с источником, но с заменой устаревших букв современными. Пунктуация приближена к современным языковым нормам.

казенной питейной дом, погреб, казенный соляной анбар с солью, гостиный двор, торговые купецкие лавки с мелочными товарами, съестными припасами /.../» [11, Л. 9–9 об]. Колокольным звоном собрали народ, но отстоять ни этот дом, ни другие не смогли: «прилагаемая всевозможная труды вовсе находились бесполезными, ибо такой великий жар учинился, что немало было тех мест, где загоралось. Приблизиться было невозможно /.../[11, Л. 9]». Спасаясь, кто мог с именем своим убежал в поля.

Пожар утих только к 10 часам вечера. К страшным последствиям привело то, что многие были в отъезде по торговым делам или на заработках, оставшиеся другие сенокосили в своих наделах за городом. Из казенного имущества удалось сохранить находившиеся в магистрате денежные документы по соляным и другим сборам и казну, переправив их в судах на противоположный берег. Уцелела только часть соли в соляном амбаре. Позднее она была перебрана и перевешена. Оставшуюся, пригодную к употреблению (158 пудов 29 фунтов), складировали в подклет одной из каменных церквей [11, Л. 15].

В полученном 12 октября ответе губернатора сообщалось, что Правительствующим Сенатом поручено снять план погоревшему городу, для чего в помощь требовалось 7 «работных людей» из горожан. Так начался процесс восстановления города. Видимо, во время совместной работы по картографированию прибывшими геодезистами, городской властью и жителями были составлены подробные описи пожарища. Поименная ведомость владельцев недвижимости указывала занимаемую сгоревшей усадьбой площадь, «сколько меров сажень³ земли поперешинику и длиннику» по каждой улице отдельно. Натурные исследования позволили отразить в чертежах прежнюю топографию с извилистыми улицами и переулками, очертить границы пожарища. Эта основа была использована для перепланировки. Статистика утрат жилых домов выглядела следующим образом: сгорело домов купеческих 238, разночинских 14, крестьянских 14, домов священноцерковнослужителей 21, монастырских подвохий 7, всего 294 [11, Л. 120].

Документы и чертежи позволяют представить масштаб нанесённого урона. Пожар простирался от улицы Потанихи (ныне ул. Болотникова) вплоть до крепостных валов со рвом, захватывая Воскресенскую площадь с расположенным здесь гостиным двором, от берега реки Онеги до церквей Святодуховского прихода, включая их. Выгорело $\frac{3}{4}$ городских построек. Погорели 9 церквей: 2 собор-

³ Сажень — старинная русская мера длины. В 1649 г. была утверждена казенная сажень, содержащая 3 аршина и 16 вершков или 2,16 м.

ные, каменная и деревянная, в гостином дворе одна деревянная, 6 приходских. Утрачены 5 колоколен с колоколами, в гостином дворе мелочной, кожевенный, хлебный и мясной ряды, винные лавки, кладовые и амбары с товарами, общим числом до 100, кроме того, кожевенные заводы, промышленная пивная поварня, таможня. Погибли 8 человек [11, Л. 36 об.-37].

Как отмечалось ранее, виновницей явилась вдова Татьяна Иванова Шумилова 77 лет. Она жила с двумя дочерьми по улице Потанихе. Женщина понесла в погреб горшок с ягодами, собранными младшей дочерью. Старшая в это время была у своего зятя на Красном посаде. От оброненного угля загорелось сено в сенях. Пытаясь загасить пламя, женщины заливали его водой из медного ковша [11, Л. 123–123 об.]. Шумиловы были взяты под стражу. Рассматривая в январе 1766 г. дело «колодниц», магистрат принял во внимание, что «пожар учинился /.../ не умышленно, а единственно только по неосторожности их» и вынес решение: «Учинить наказание плетью, по учинении онаго из караула освободить. Большую же дочь предписанной вдовы свободить без наказания» [11, Л. 123 об.].

Уже в феврале 1766 г., 9 числа, Сенат рассмотрел вопрос «Об отстройке города Каргополя» [10, С. 557–559]. Проект реконструкции включал чертеж плана города, изображения жилых домов, фасад и профиль каменного гостиного двора. План был представлен в двух не сильно отличавшихся друг от друга вариантах, автором одного из которых являлся поручик геодезии Алексей Докудников. Высочайше утверждённый Генеральный план 1766 г. наложил на древнюю основу линейную сетку улиц с указанием мест размещения казенных, торговых и общественных строений.

Деревянные обывательские дома нескольких типов в зависимости от достатка хозяев было рекомендовано ставить на погребках с каменными сводами. Каменный гостиный двор был оценён в 15 000 рублей, ратуша (магистрат) в каменном исполнении 6000 рублей. Поскольку пострадавшие церкви располагались компактно на 3-х площадях, к тому же остались, не затронутые пожаром, то Сенат предложил восстановить вместо 9 церквей 3 больших, по одной на каждой площади и поручил посчитать смету на эти цели.

В докладе Сенату отмечалось, что «/.../ народ же де сего несчастливаго города, сколько б ни желал оный своим иждивением исправить, но пожаром столь оскудел, что на то никакой надежды полагать не можно, и остается только полагать надежду на милосердие и великодушие Вашего Императорскаго Величества /.../» [10, С. 558]. Речь шла о беспроцентной ссуде на обывательские дома и безвозмездной

сумме на казенные строения, церкви. Монаршая милость была оказана. Резолюция предписывала: «Отпустить к построению города на первый случай 10000 рублей /.../ из Новгородской губернии доходов, а в прочем быть по сему» [10, С. 558–559].

Помимо выделения средств был поставлен вопрос об облегчении податей. Рассмотрение состоялось 14 февраля 1766 г. [10, С. 580–581]. Каргопольское купечество освобождалось на текущий год от исполнения обязанностей по кабацким и конским сборам в Каргопольском и Чарондском уездах, но не в самом городе.

Механизм восстановления городов при помощи государственных средств был ранее отработан на восстановлении Твери. Для этих целей создавалась специальная комиссия, которая принимала заявления на получение ссуды, а также контролировала строительство. В Каргопольскую комиссию были назначены архитектор Николай Васильев и его помощник — ученик архитектора Иван Жигалов.

Каждому желающему сроком на 8 лет выдавалась беспроцентная ссуда для строительства дома первого номера 400 рублей, дома второго номера — 300 рублей, а третьего — 150 рублей. Обязательное условие при этом — возводить дом на каменном фундаменте. Для получения финансирования необходимы были несколько поручителей, фамилии которых указывались в заявлении. Получали деньги «/.../ не все разом, а на три части: первую подписании на строение, вторую, когда каменный фундамент положен и потребное на строение лесу уже на лицо имеется, а третью, когда строение действительно уже до стропил доведено» [12, Л. 31]. Иногда ссуда выдавалась двумя частями поровну. В договоре прописывалось, что выделенные средства можно расходовать только на строительство дома (оплата материалов и работников), исключая другие постройки. «/.../ приняв казенную сумму, /.../ употребить единственно на одно того строение дому и наем рабочих людей, и на другие строения принадлежности не тратя на свои надобности в расход ничего, а по прошествии указанного термина те деньги в казну заплатить в комиссию /.../» [12, Л. 31].

Ссуду на строительство домов брали почти все, за некоторым исключением. Например, Александр Баранов, родительский дом которого тоже сгорел, отстроил его на собственные средства. Приведем имена отдельных купцов и мещан, воспользовавшихся ссудой: Петр Белоусов, Степан Ватагин, Никита Вешняков, Дмитрий Иконников, Никита Карачев, Дмитрий Кораблев, Ефим Серебряников, Василий Урываев, всего — 150 человек. Ссуду получили 10 священнослужителей и некоторые другие горожане. Священники не смогли вовремя погасить долг — за них рассчиталась Новгородская епархия.

«По доношению каргопольской воеводской канцелярии секретаря Ивана Протопопова просит выдать ему за поручительство здешних купцов Ивана Алексея сына Носова, Льва Матвея сына Лыткина, Семена Михайлова сына Литусова на строение дома первого номера пожалованной от Ея Императорского величества казенной ссуды...» [12, Л. 31].

«Приказали: предъявленной купцу Ивану Зуеву, как он доказывает, что у него строение под третьим номером фундамент положен собственным коштом и материал потребной на оное весь на лицо имеется /.../ выдать положенную по номеру его сумму на две части: а именно 100 рублей /.../, дать указ, обязав прежде /.../ Зуева в том, что он принял ту казенную ссуду имея, употребить единственно на оное строение /.../, на наем рабочих людей и другое истроение принадлежности» [12, Л. 22].

Архитекторам предписывалось контролировать строительство домов, чтобы сооружались они в соответствии с планом города и проектом постройки. Но не все жители соблюдали эти требования, что пресекалось. «/.../ объявляется, что строящиеся /.../ погоревшие обыватели в домах своих /.../ вознамериваются каждый строить, кто какой пожелает /.../. Приказали: Всех обывателей принудить чрез определенных надзирателей /.../ все делать, как /.../ будет приказано» [12, Л. 43]. Отдельные погорельцы на своих местах возводили и другие строения. «По рапорту /.../ архитектора /.../ погоревшие купцы на отведенных местах /.../ производят /.../ излишние строение /.../. Приказали: оным купцам чрез определенных смотрителей /.../ подтвердить, дабы они ничего излишнего не застраивали /.../, велено будет сломать /.../» [12, Л. 45].

Около домов необходимо было поставить заборы: «/.../ для красоты града по вехам /.../ сделать частые из досок вкопанные в столбах тесные заборы гладко без орнаментов, вышиною с балюстрадаю пять аршин, а длиною как даст мера каждого двора» [11, Л. 52 об.-53].

Исходя из большого объема строительства, необходимы были и лесоматериалы в немалом количестве. Для этих целей по Указу Императрицы был выделен лес в Чарондской дворцовой волости для продажи каргопольцам [11, Л. 136].

Строительная комиссия работала в Каргополе в течение 12 лет, с 1766 по 1777 гг. За это время жилой фонд города был восстановлен. По итогам работы комиссии был составлен Реестр обывательских строений, куда вошли и старые и новые дома. Согласно документу общее количество их — 522, спустя 10 лет оно увеличивается до 529. Опись частных владений сделана по улицам, начиная от Винного

круга и Красного посада. При этом дана некоторая характеристика жилых строений. Например, «дом купца Дмитрия Кораблева вверху и внизу четыре покая», «дом мещанина Василья Шаханова в жилых два покая», или «дом купца Александра Маркова в нем жилых восемь покоев» [5, Л. 2, 5, 7] и т.п. В других, более поздних документах, иногда указывалось: дом планового или старого строения, наследственный или купленный. Всего из казны на ссуды горожанам было выделено 20819 рублей [1, Л. 35–38 об.].

В 1785 г., когда в Каргополе побывали губернатор Г. И. Державин и русский астроном и академик П. Б. Иноходцев, каргопольскому городничему Дернову⁴ было передано, что для устройства вокруг города рвов и довершения строительства домов можно использовать преступников, не посылая их в рабочий дом⁵. «Ежели кто из обывателей, застря дом до половины, и достроить не кем, то полиции сыскивать тому достроению охочих людей, и ежели, кто ему выстрой, то жить ему в том доме или покое вместо своего содержания до того времени, доколь хозяин за достройку денег не заплатит» [9, Л. 1].

В 1788 г. городской магистрат сообщал, что в городе 11 казенных строений, 2 из них каменные, кроме того, 6 деревянных общественных зданий. Казенные и общественные строения ставились на отведенных по плану местах. 4 питейных дома располагались в разных частях города. В 1774 г. на средства казны купцом Иваном Марковым на углу улиц Ивановской и Почтовой (современные Победы и Заводская) построен одноэтажный каменный соляной «магазин», в этом амбаре – 3 больших и 2 малых палаты. Против него на берегу Онеги – такого же назначения постройка, но деревянная [2, Л. 13, 18 об.].

Но дольше всего восстанавливались церкви – ведь средства из казны были выделены на ремонт только части храмов, а воссозданы были все.

Прямые улицы сохранили направление прежних проездов и проулков и протяженность кварталов. Отдельные даже писаться стали по-другому. В Реестре домов 1777 г., например, вместо «Шелковня» – «Новая Шелковня» (с 1961 г. ул. Ю. А. Гагарина), «Пономариха, а по плану Архангелогородская» (позднее Архангельская), «Красный посад, а по плану Екатерининская площадь» (позже Троицкая площадь). Вдоль реки Онеги были проложены новые улицы Благовещенская (ныне пр. Октябрьский), Екатерининская (в 1918 г. переименована в ул. Ленина). Одна из улиц, говорилось в Сенате, должна была стать главной,

⁴ Дернов Иван Никитич, секунд-майор, каргопольский городничий, 1782–1802 гг.

⁵ Работный (рабочий) дом в России – являлся частью системы исполнения наказаний, направленной на изоляцию и принуждение к труду преступников.

ее ширина – 10 сажень, другие по 8 и 6 сажень. Можно предположить, что главной городской магистралью была определена улица Санкт-Петербургская. Её современная ширина от красной линии строений по одной стороне до другой составляет чуть более 21 м, что соответствует примерно 10 сажням. Даже визуально улица шире других. Именно здесь было предписано строить лучшие дома, то есть первого номера. Правда, желающих было немного: «/.../ по плану Санкт-Петербургской улицы от Соборной площади взято здешними обывателями построение домов первого нумера только семь мест, а более же взятых в комиссию не являются. /.../» [13, Л. 70]. Потому разрешили строить дома второго номера. Самое же главное, эта улица, начинаясь от каменной колокольни, выходила на транзитные сухопутные пути, связывавшие Каргополь с Петербургом, Москвой, Архангельском, Петрозаводском.

В строительстве колокольни на Соборной площади принимали участие несколько подрядчиков, при этом государственных средств было выделено 4830 руб. 95 коп. Строили её по проекту, выполненному в виде модели (в настоящее время в фондах музея, КГИАХМ НВФ 3628). Были рассчитаны требуемые на строительство материалы: булыжника 10 сажень кубических, кирпича 550 тысяч штук, извести 1650 бочек, песку 20 сажень кубических, бревен 220, железа плоского 80 пудов, железа листового 700 аршин и др. [14, Л. 1]. На торги по определению подрядчика в 1767 г. явились 5 претендентов. Предпочтение было отдано купцу 2-й гильдии Александру Матвееву Маркову, уступившему 700 рублей против сметы. Им был изготовлен кирпич на заводе отца. Но вскоре на купца поступила жалоба, что он потратил деньги на свои личные нужды. Комиссия, разобравшись, отвергла обвинение [14, Л. 6, 21, 30–30 об., 69, 164 об.].

В 1772 г. строительство продолжили купец Василий Кережин и мещанин Федор Шушерин, обязавшись довершить его в 1775 г. Работы неоднократно приостанавливались из-за нехватки финансов и материалов и сами сроки окончания были отодвинуты [6, Л. 1, 4 об., 5, 13, 13 об.]. В своё время только два имени Кережина и Шушерина были названы как строители колокольни старшим научным сотрудником музея М. Н. Крючковой, сделавшей вывод, что и даты её возведения – 1772–1778 гг. [7, С. 87–93]. Однако расширение круга источников позволило авторам уточнить и годы строительства, 1767–1778 гг., и выявить других его участников. В 1769 г. «/.../ каргополец посадской человек Макар Пономарев с товарищи договорились при городе Каргополе на всполье выкопать из земли белого камня и из онога вытесывать плиты на фундамент в здешнем городе каменной колокольни /.../» В соответствии с её моделью «/.../ сработаны все леп-

ные и резные щиты, как то вазы, сияния, херувимы, клейма, короны и прочие, каковые на той модели назначены /.../» каргопольским мещанином Иваном Федоровым Голодовым и его родным братом государственным крестьянином Михаилом Голодовым [14, Л. 494].

Таким образом, отдельные виды работ на Соборной колокольне выполняли Макар Пономарёв, Иван и Михаил Голодовы. Но генеральными подрядчиками были Александр Марков, Василий Кережин и Федор Шушерин, что подтверждает ведомость городского магистрата 1781 г. о количестве построенных публичных строений: «по заключенным с каргопольскими купцами Александром Марковым, Федором Шушериным, и Иваном Кережиным (в написании имени допущена ошибка, в самом контракте и других документах Василий Кережин – авт.) контрактам построена из казенной экономической суммы каменная на соборной площади колокольня» [4, Л. 295]. В 1778 г. каменную колокольню достроили. Въезд в город был ориентирован строго на нее. Этим-то и объясняется расположение фасада и креста Соборной колокольни, что не противоречит церковным канонам, а является лишь исключением из правила.

«Город сей /.../ возобновлен щедротою благополучно царствующей государыни Императрицы Екатерины Великой и регулярно построен по подтвержденному Ее Величеством /.../ плану на все милостивейше пожалованную знатную для возобновления города сумму, в коем уже ныне имеется до двухсот домов на каменных фундаментах зделанных весьма изрядною архитектурю /.../», — писали в 1786 г. члены Каргопольского городского магистрата в губернский город Петрозаводск [8, Л. 1 об.].

Регулярный план Каргополя сохранил направления основных внешних связей, расположение церковных ансамблей, нетронутые пожаром кварталы на периферии. На примере нашего города была реализована прямоугольная композиция, для которой характерен приём полицентричности. Локальными центрами служили храмовые комплексы. Ансамбль Соборной площади с главным городским храмом с давних времен являлся духовным центром. Возведение посредине площади каменной колокольни еще более подчеркнуло её значение. Включение в границы этой площади гостиного двора, казенных соляных складов, а также планируемое перенесение городского магистрата должно было сделать эту территорию доминирующим акцентом городского устройства, объединив здесь духовный, торговый и административный центры. Перенесение уездных присутственных мест в дом купца Вешнякова по улице Ивановской в середине XIX в. завершило этот процесс.

Стремление монархии к преобразованию старинных городов, заинтересованность органов местного управления и усилия граждан в восстановлении собственных домов способствовали возобновлению городов в кратчайшие сроки. Центральная власть при этом преследовала и экономические и политические цели. Линейный городской строй создавал иной пространственный образ, образ строгого порядка. Но при этом утрачивалась живописность городского ландшафта, характерная для древнерусских городов.

Список литературы и источников

1. ГААО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 2. Документы об отстройке города после пожара. 1777–1778 гг.
2. ГААО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 42. О мастеровых города Каргополя. Сведения о строении города и живущих в нем. 1788 г.
3. ГААО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 54. Указы Олонецкого наместнического правления и казенной палаты об исследовании казенных зданий в Каргополе. 1796 г.
4. ГААО. Ф. 1003. Оп. 4. Д. 21.
5. ГААО. Ф. 1481. Оп. 3. Д. 3. Описание города Каргополя. Реестр описания в городе Каргополе домов 1777 года.
6. ГААО. Ф. 1481. Оп. 3. Д. 4. О строительстве в городе Каргополе каменной колокольни.
7. Крючкова М. Н. Соборная колокольня города Каргополя: легенды и факты // Каргополь. Историческое и культурное наследие: Материалы научно-практической конференции, посвященной 850-летию Каргополя, 3–5 июля 1996 г. / науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. — Каргополь, 1996. — 328 с.
8. Литусов С. Исторические, топографические и камеральные известия о городе Каргополе. Л. 1 об. // <http://elibrary.karelia.ru/book> (дата обращения — 11.10.2018).
9. НА РК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 4/66. Рапорт каргопольского городничего Дернова о словесном приказании, полученном от генерал-губернатора Тутолмина о рытье канала вокруг города, о достройке начатых строительством домов, об очистке реки Онеги от свай, оставшихся от разбитого моста и пр. 11–28 августа 1785 г.
10. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. XVII. 1765–1766. — СПб, 1830. — 1135 с.
11. РГАДА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 187. Дело о пожаре в Каргополе 1765 г.
12. РГАДА. Ф. 1051. Оп. 1. Д. 1. Журнал заседаний 1766 г.
13. РГАДА. Ф. 1051. Оп. 1. Д. 2. Журнал заседаний 1767 г.
14. РГАДА. Ф. 1051. Оп. 1. Д. 3. О постройке в Каргополе каменной колокольни. 1767 г.

Приложение

Превосходительнейшему господину генерал-маеору и Новгородской губернии губернатору Якову Ивановичу Сиверсу каргопольского магистрата покорнейший репорт

Сего июля 26 числа по полуночи во втором на десять часу в здешнем городе Каргополе в посаде учинился бедственной незапной случай, а имянно в середине города у некоторой посадской вдовы Татьяны Шумиловой в доме загорелось, которая как о том была допрашивана показала, что пошла она из избы для отнесения в погреб съестных припасов з заженной лучиной. Понеже тот погреб по неимению окон был темной, и неведомо как, чего уже она не усмотрела. Из рук упал уголь в лежащее при тем погребом сено, кое в тот самой момент и загорелось, а потом и строение все огнем обнялось так скоро, что не было ей времени не точию, чтоб огонь утушить, но и в близости живущим обывателем о том ведомости подать, что дано знать уже звоном. А потом, хотя к тому пожару немало народу и собралось, коим и прилагается было всяческое ко утушению того пожара старание. Но как к немалому несчастью улица та была тесная, строения старинного тесного и притом некоторое в два аптамента. А от возгоревшегося дому пламя учинилось и загорелось вдруг немало домов, то огню большого препятствия учинить было никак невозможно, и так вдруг же переняло огонь и на другую сторону улицы. И пожар наибольшее усиливатца начал. К сему способствовали еще тогда бывшие ветры с вихрями, отчего в самое короткое время зделались пожары и в других улицах загорелись обывательские дома, а на площади публичныя строения соборныя две, к тому три приходския церкви да еще приходских же четыре церкви. Оттуда немало в отдаления также и колокольни, магистрат, духовное правление, казенной питейной дом, погреба с питьями, казенный соляной анбар с солью, гостиной двор, торговья купецкия лавки с мелочными товарами и съестными припасами. Когда же, как от канцелярии, так и от магистрата и обывателей ко утушению таковой великого и бедственного пожара прилагаемыя всевозможныя старания и труды вовсе находились бесполезными, ибо такокой превеликой жар учинился, что немало было тех мест, где загоралось. Приближатца было невозможно, то и главным тому было препятствием. А как при том обыватели видя таковой возгоревшийся великой пламень, и что оной доходил уже до их домов, то всяк и помышлял о своем токмо о спасении. И так убежал к своим домам, дабы самим от такого незапного разорения избавитца. Одним словом весь посад тогда в отчаянии состоял, и никто ко спасению надежды не имел. Обыватели ж из домов с именьями своими выбирались в поле. Многие ж ничего и вы-

брать не успели. А некоторые, выбрав пред дома свои с тем, чтоб оное отвесть в безопасные места, оного учинить времени не имели. Но все без остатка так погарало. К немалому несчастью последовало и то, что многие ис купцов и обывателей несть иметца в отчинах, за купечеством и заработками в Санкт-Петербург и на Макарьевскую ярмонию и в Поморския и в другия места. А кои и в домах были, но несть многих на то время, случилось бысть на сенных покосах в отлучке. Погоревшия обыватели двоя сутки, а иныя и более того имелись все ис пожитками своими, какие могли из домов своих вынести на поле, в которое время непрестанной слышан был в отнях вопль возчювственьи из самого крайнего своего разорения к бедности. При сем так великом пожаре дела и денежныя соляного и протчих зборов казна из магистрата были вытасканы вон и перевожены чрез реку на судах, ибо в другое место перевезть не было свободности, коих дел в таковом незапном случае. По беспорядочному вытаскванию вскоре разобрать ин не можно, и все ли в целости неизбытно. Во время помянутого пожара несколько человек згорело и в реке утопло. Домов обывателей згорело и по исчислению находитца до трехсот. Сей пожар начался во 12-м часу по полуночи, докончасяся в 10-м часу по полудни, от которого несчастливого приключения купцы и обыватели в крайнем разорении и бедности состоят. О чем вашему превосходительству каргопольской магистрат покорнейше доносит, сколько при згоревших домах протчаго строения и другою всего от огня погибло и убытка причинило. По произшестви-ях при том бывших ин за кратостию времени изъяснить невозможно, о чем по учиненной публичной справки с обстоятельством вашему превосходительству каргопольской магистрат покорнейше донесть в неукоснительном времени ин впредь. Июля 29 дня 1765 года.

Также репорт за скрепою бургомистра Адриана Прибыткова, ратмана Ивана Белоусова за справкою канцеляриста Аляксия Прянишников послан с почтою в /.../

РГАДА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 187. Л. 9–10. Рукопись. Подлинник.